

Если бы он и дальше сохранял такую позу, в нем даже читалась бы какая-то inexplicable аура.

К сожалению, сам он так, очевидно, не считал.

Как только Бай Кэ быстро шагнул вперед, протягивая руку, чтобы схватить его, вдруг сверкнула молния. Бледный свет с легким фиолетовым отливом в одно мгновение озарил все небо, извиваясь, словно ударив в самую землю.

— Не дергай!

Тот вырвал рукав из захвата Бай Кэ, оттолкнул его в сторону, затем раскинул руки и, глядя туда, где одна за другой сверкали молнии, крикнул:

— Пора! Видишь этот размах? Грозовая кара́ близко! Отойди подальше, а то нечаянно заденет!

Бай Кэ промолчал.

В голове мгновенно всплыл образ того юноши, с которым он недавно случайно столкнулся в переулке. Если бы тот парень и этот, разыгрывающий представление под дождем, встретились, у них, вероятно, нашлось бы о чем поговорить.

Что там говорил тот юноша?.. В этом мире все же больше хороших людей...

«Но почему же тогда вокруг него собираются одни сумасшедшие?»

Бай Кэ секунду смотрел на него с каменным лицом, затем спокойно опустил зонтик, подошел и нанес удар ребром ладони по затылку. Тот закатил глаза, ноги подкосились, и тело начало падать на землю.

Бай Кэ повернулся, аккуратно подставив свою худую спину, чтобы поймать его, подхватил руки и перекинул их себе на шею. Затем, плотно сжав губы, взвалил на спину потерявшего сознание человека и, шагая по лужам, холодно произнес:

— Папа, пора принимать лекарства.

Говорят, у сумасшедших и пьяных силы непомерно много, и весят они невероятно тяжело. Это утверждение оказалось вполне справедливым. Отец Бай Кэ, Бай Цзысуй, несмотря на интеллигентную внешность и худощавое телосложение, оказался нелегкой ношей для и без того хрупкой спины сына.

Но, несмотря на тяжесть, Бай Кэ нес его уверенно, одной рукой придерживая зонтик. Видно было, что он не раз проделывал подобное и опыт у него немалый.

Кстати, все, кто видел их отца и сына вместе, говорили: по внешности они похожи лишь на треть. Ведь Бай Кэ всегда держал глаза закрытыми, а вокруг них были странные родимые пятна, что сильно влияло на его внешность. Однако если они стояли рядом, их общая аура казалась почти идентичной.

При условии, что Бай Цзысуй не начинал говорить, и только в те дни, когда не было грозы.

Так Бай Кэ, неся на спине Бай Цзысюя, который внешне и по характеру напоминал ему старшего брата, но вел себя скорее как ребенок, большими шагами вернулся в старый дом.

Дом, в котором жил Бай Кэ, находился в не самом удачном месте. Хотя планировка всего

жилого района была хаотичной, этот дом выделялся особенно, словно случайная клякса на большом листе бумаги. Он располагался на северной стороне квартала, стоял отдельно, прикрытый с одной стороны длинным переулком и высокими зданиями, а с другой — плотной застройкой. Освещение здесь было проблемой, солнечный свет попадал сюда лишь на короткое время, а после четырех часов дня вовсе исчезал, делая дом особенно мрачным и заброшенным.

Из-за особенностей конструкции и погоды, хотя время было только вечернее, в коридоре уже было настолько темно, что приходилось считать ступеньки, чтобы подняться. Если бы Бай Кэ был один, он бы справился, но с человеком на спине шаги становились неуверенными. К тому же, в глазах соседей Бай Кэ был слепым, и представить, как он несет кого-то наверх, было сложно.

Но Бай Кэ даже не думал звать на помощь. Он лишь нахмурился, некоторое время стоял неподвижно перед лестницей, затем поправил ношу на спине.

— Сегодня как-то слишком темно...

Он тихо пробормотал это, подумал, затем посмотрел наверх. Двери соседей были плотно закрыты, никакого движения не было видно, вероятно, все ужинали.

Помолчав, Бай Кэ опустил взгляд, вздохнул, словно принимая важное решение, и открыл глаза, которые были закрыты уже несколько лет.

Некоторые соседи втихомолку предполагали, что Бай Кэ всегда держал глаза закрытыми, потому что они, долгое время не используемые, постепенно деформировались и не могли открыться.

Но на самом деле это было не так. Эти глаза, которые не открывались годами, не только не атрофировались и не помутнели, но даже в темноте коридора казались слегка светящимися. Однако если присмотреться, становилось ясно, что эти глаза действительно лучше держать закрытыми. Ведь у них не было белков — все глазное яблоко было заполнено густым, светящимся черным цветом.

Этот черный был чистым и глубоким, но свет, который он излучал, казалось, был живым. Создавалось впечатление, что в глазницах Бай Кэ находились не обычные глаза, а скорее две капли густой, переливающейся черной жидкости.

В такую бурную, грозовую ночь, если бы кто-то проходил мимо и увидел открытые глаза Бай Кэ, да еще и в сочетании с образом отца и сына, с которых капала вода, это зрелище могло бы напугать кого угодно.

Изначально эти глаза были такими же, как у всех.

В детстве Бай Кэ чаще всего слышал:

— Глаза красивые, жаль только...

Жаль, что они ничего не видят.

С тех пор как Бай Кэ помнил себя, его мир был черным, без единого проблеска света, полностью слепым. Тогда, вопреки своей обычной небрежности, Бай Цзысуй нашел для него место, где он вместе с другими слепыми детьми учился у тетушки Пан адаптироваться к жизни своим уникальным способом.

Они учились медленнее, чем обычные дети, и с трех-четырёх лет до подросткового возраста их учили тетушка Пан и ее друзья. Надо сказать, они учили очень хорошо, и все дети выросли добрыми и оптимистичными. Некоторые даже были особенно веселыми и шумными, и Бай Кэ почти стал одним из них.

Но то, что превратило его в человека с таким характером, произошло, когда ему было двенадцать лет.

Он уже не помнил, почему потерял сознание во время урока. Он лишь помнил, что, когда очнулся, его обоняние наполнил запах дезинфицирующих средств и спирта.

Из-за своей слепоты он был особенно чувствителен к запахам больницы.

Тогда он услышал пронзительный голос тетушки Пан:

— Э?! Проснулся! Я вижу, у него пальцы шевелятся! Цзунцзы, беги скорее зови врача и медсестру!

Бай Кэ инстинктивно повернул голову в сторону тетушки Пан и почувствовал, как перед еще закрытыми глазами мелькнуло что-то похожее на световое пятно.

В те годы он замечал, что его глаза, кажется, постепенно улучшаются. Доказательством были те самые размытые световые пятна, напоминающие очертания людей. Он не помнил, когда именно, но его мир перестал быть просто черным. Появились едва заметные, почти неразличимые световые пятна.

Постепенно привыкая, он понял, что эти пятна были людьми, стоявшими перед ним. С возрастом они становились ярче, приобретали более четкие очертания, и он мог их различать.

Именно благодаря этим пятнам жизнь Бай Кэ стала не такой сложной. Он все реже сталкивался с людьми или натыкался на стены, пока это окончательно не исчезло из его повседневной жизни, и он начал двигаться почти как обычный человек.

Тогда Бай Кэ, по неизвестной причине, не рассказал об этих изменениях никому, и окружающие, кажется, тоже не заметили ничего необычного. Лишь тетушка Пан как-то невзначай заметила:

— Сяо Кэ, похоже, ты стал реже спотыкаться.

И проверила его чувствительность к свету.

Но в то время эти пятна появлялись только тогда, когда он открывал глаза.

Поэтому, когда он в больнице, с закрытыми глазами, увидел четкие очертания тетушки Пан и Цзунцзы, намного яснее, чем раньше, Бай Кэ был ошеломлен.

<http://bllate.org/book/16844/1549781>